

Наталья Веденина

16+

Кибуц Галуёт

ПОВЕСТЬ

Наталья Александровна Веденина

Кибуц Галуёт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32542480

SelfPub; 2018

Аннотация

Иммиграция – это веселые и грустные, забавные и абсурдные ситуации. Сложные, а порой и драматические личные переживания. Автор повести с самоиронией делится своими воспоминаниями о репатриации в Израиль в начале девяностых годов, о жизни в кибуце, о поисках себя в новой стране.

Содержание

Предисловие	5
Первые зарисовки	8
Дом первый	14
Сионисты и утописты	16
Трудовая жизнь кибуца	21
Мальчишник	26
Девичник	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Наталья Веденина Кибуц Галуёт¹

Фото: Борис Аарон

¹ Кибуц Галуёт – воссоединение всех евреев в своем государстве.

Предисловие

1991 год. Моя семья прилетела в Израиль. Теплый апрельский вечер. Я стою на улице Хайфы. Мужчины сносят тюки, привезенные нами, вниз по бесконечной лестнице к дому моей подруги Марины. Стою в темноте на незнакомой улице незнакомого города незнакомой страны и вдыхаю аромат жасмина. Этот цветок мне тоже незнаком по прежней жизни. Я, ночь, аромат жасмина и больше ничего. Прошлое кончилось вчера, будущее начнется завтра, а сейчас все, что у меня есть – это обволакивающий аромат незнакомых мне цветов.

Первое утро в новой стране. Я с детьми в парке. Рядом на скамейке сидит женщина, она внимательно изучает нас. И вдруг по-русски спрашивает:

– Вы давно приехали?

– Вчера. Старшему сыну недавно исполнилось четыре года, младшему – два с половиной.

Она с добрым сочувствием смотрит на детей.

Но главное между нами уже сказано. Взглядами, после моего «вчера».

Спустя три дня микроавтобус везёт нас в кибуц. По программе «Первый дом на Родине». Наши тюки грузятся в автобус, вслед за ними – мы. За рулем сидит загорелый кибуцник Гарри, на переднем кресле – его не менее загорелая жена

Яффа. Двери захлопываются. Мы едем в горы, возвышающиеся над озером Кинерет.

Наконец, приехали. Наши тюки выгружают из автобуса и почему-то тащат их через столовую, которая называется здесь «хедер охель». В столовой ужинают кибуцники. «Вот они какие – новые утописты-романтики!», – смотрю я на сидящих за столами едоков. Кибуцники с интересом рассматривают нас: «Так вот они какие – новые сионисты, прибывшие к нам из Советского Союза!».

Мы послушно, как маленькое овечьё стадо, плетемся за вещами, выходим из столовой, идем к небольшим белым домикам, в одном из которых мы будем жить...

И вдруг за поворотом возникает озеро Кинерет: оно далеко внизу, блеск воды, освещенной луной. И темные горы с цепочками огоньков на склонах. Не привычные для глаз лес с полями или реки, или даже море... Нет, именно лысые черные склоны гор и редкие, разбросанные в беспорядке цепочки огней поселений и дорог. Зловещим показался мне свет этих огней. Как холодные равнодушные глаза смотрели они с гор, вызывая во мне необъяснимый страх. Много, очень много лет боялась я этих огней. Вызывали они у меня тревогу, когда ночью смотрела я из окна гостиницы на горы, окружающие Мертвое море, и на горы, окружающие Эйлат. Везде, где на склонах мерцали цепочки огней, холодная волна страха накрывала меня так же, как поразила когда-то в первый вечер в кибуце.

А потом это прошло. Может быть, после того, как родители переехали в Израиль, и выросли дети, и я вторично вышла замуж.... Как-то вечером, глядя на горы, я вдруг поняла, что тревога покинула меня, и я закричала огням: «Я не боюсь вас!» И почувствовала, что смогу написать о том времени. Итак, какой я вижу себя с расстояния в двадцать пять лет.

Первые зарисовки

Вот группа нарядно одетых женщин идет по горной дорожке от кибуца к еврейскому поселению. Та, что в желтом плаще («польский!»), подарок мамы перед отъездом) – это я. А рядом мои подруги: Верочка из Питера и Лена с Камчатки.

Женщины в радостном возбуждении – кибуц помог им устроиться на временную работу в прачечную! Они одеты в то, что привезли с собой – элегантное и модное, в то, что удалось «достать» или сшить по лекалам из журнала «Бурда» для заграницы.

Через восемь часов эти же дамы, испытав на себе «потогонную систему капитализма», понуро тащатся назад.

А спустя неделю сердобольные женщины поселка подарили прачкам-модницам два огромных целлофановых мешка своей слегка поношенной одежды. «А свои наряды не выбрасывайте. Приберегите их для Пурима».

* * *

Шабат, утро. Воеет сирена. По кибуцу мечется в поисках людей молодая особа с двумя малолетними детьми. Но кибуц как будто вымер. Никого вокруг, а сирена продолжает выть.

Наконец, несчастная влетает в кибуцную столовую. Вот где все! Сидят, неторопливо пьют кофе и читают утренние газеты. Начинается диалог: смесь иврита, английского, жестов, мимики и слез. Надо вам сказать, что особа эта, (в первой зарисовке на ней был желтый плащ) изучала иврит в Москве и потому выражалась несколько высокопарно. Примерно так: «Не будут ли господа столь любезны, чтобы объяснить, что за звук мы имеем возможность слышать?» Вдоволь насмеявшись над столь странной речью, кибуцники начинают обучать прибывшую из Советского Союза женщину двум самым важным в жизни словам: «савланут» (терпение) и «леат– леат» (потихоньку).

Постепенно насмерть перепуганная женщина, прижимающая к груди своих детей, начинает понимать, что сирена воеет вовсе не потому, что началась война, и даже не из-за террориста, проникшего на территорию кибуца. Это хитроумное изобретение оповещает, что у кур на птицеферме кончились вода и корм. Но куры могут жить несколько дней без еды и несколько часов без питья. Поэтому: «савланут» и «леат– леат». Не надо сразу же бежать в курятник, а можно спокойно допить чашечку кофе и дочитать газету.

* * *

Вечер. Дети спят. Моя героиня (как удобно писать о себе в третьем лице!) в салоне своего домика пишет письмо

своим родителям. В ванной моется муж подруги Лены. А в спальне на сохнутовской² кровати дремлет муж Верунчика. Нет, у моей героини нет проблем с нравственностью, но, что еще важнее, у нее нет проблем и с электричеством. (По договору с кибуцем только у нее одной в сумму оплаты за жилье входят электричество и вода. Ей повезло. Те, кто приехал позже, за свет платят по счетчику). За окнами холод, ветер, дождь обогреватели работают на полную «катушку». В целях экономии было принято решение всем греться в доме с бесплатным электричеством. Лена и Верунчик сидят в салоне, укутавшись поверх курток в одеяла.

– О чем ты только пишешь в письмах? – Возмущается Лена. – Я уже третий месяц пишу маме письмо и не могу никак его закончить. Она с ума там сходит! А напиши ей правду, она уж точно сляжет!

– Лично я рассказываю в письмах о природе и местных нравах.

– Дай списать! – просит Лена.

– Диктую: « Дорогие мама и папа, как бы я хотела, чтобы вы увидели красоту Кинерета, как в нем отражается луна, оставляя на воде белый длинный хвост ... Вчера я любовалась сосновым лесом, где в подлеске вместо кустов малины и черники растут кактусы. Но не чудо ли! Опунция называется здесь «сабра», и это не маленький кактус в горшочке, а

² «Сохнутовские кровати» – набор мебели, который продавался со скидкой для новых репатриантов.

огромный колючий лопух».

– О чем другом я могу им рассказать?! – вдруг кричит моя героиня. – О том, что я четыре месяца считала счастьем убирать в гостинице за эфиопами?!³ Но и оттуда меня уволили из-за подонка администратора. О том, что сейчас я убираю трехэтажные виллы, а денег не хватает даже на то, чтобы купить ребенку теплые носки?! А у ребенка воспаление легких, и с температурой сорок нас из больницы выгнали домой. А потом я занимала у вас деньги на антибиотики и на попутках ехала в город за лекарством. О том...

– Хватит! – перебила Лена. – Знаем. Диктуй, что дальше мы должны писать с Верунчиком.

– «Милые мои, вы даже не можете себе представить, что наши комнатные цветы: бегония и герань растут здесь на воле! И цветут почти весь год...»

– «Ненаглядные мои! А седьмого ноября кибуцники устроили коммунистический утренник и заставили нас петь комсомольские песни. Стоило ли ради этого уезжать в Израиль! А мы – несколько «русских семей» – тоже готовим им сюрприз на Новый год с Дедом Морозом и детскими подарками». Забегая вперед, скажу, что сюрприз нам удался на славу: нас чуть не выгнали из кибуца».

³ «Эфиопы» – так называют в народе евреев, выходцев из Эфиопии.

Ханука. Каникулы. В честь праздника семья спустилась с гор и по оживленной Хайфе направляется в автобусе к Марине в гости! Пожилая женщина уступает детям место у окна, ласково смотрит на них и вдруг открывает кошелек и дает каждому по десять шекелей! «Хаг Ханука sameax» (Радостного праздника), – поздравляет женщина и замечает, как лицо молодой матери краснеет от смущения, а на глазах выступают слезы.

– Спасибо, у нас все есть, не надо денег.

– Это ханукальные деньги, на Хануку детям принято дарить деньги!

Пассажиры автобуса пытаются объяснить этой бестолковой «русской», что на Хануку взрослые дарят детям деньги. Пора бы знать хоть какие-то традиции. Но куда там. Мамаша хватает детей и выскакивает на остановке.

Так двадцать пять лет назад я выскочила из автобуса из-за чувства неловкости, растерянности и стыда. Но и поныне те же чувства не позволяют мне вести повествование от первого лица. Мне больно даже описывать эту молодую женщину в нелепом желтом плаще, за которой я спряталась в первых зарисовках. Поэтому я оставляю свою героиню с ее двумя малолетними детьми на остановке. И буду про-

должата повествование без нее, как без нее продолжал свой путь автобус в тот праздничный день двадцать пять лет назад.

Дом первый

Мы приехали в Израиль в разгар так называемой «Большой Алии», когда сотни тысяч человек вырвались из приоткрытых границ измученного перестройкой Советского Союза и, не достигавшись в запертую дверь Америки, свернули в Израиль. Каждый из них провел несколько часов в самолете в статусе ЧБГ на ПМЖ («человек без гражданства на постоянное место жительства») – так было написано

в наших документах. Незабываемое чувство свободы, смешанное с чувством нереальности происходящего. В переполненном аэропорту Бен Гурион мы без промедлений получили гражданство Израиля и «корзину» – небольшую финансовую помощь.

Квартир, работы, мест в детских садах и школах катастрофически не хватало. И тогда правительство приняло решение: расселить молодые семьи на первые полгода по киббуцам. Эта программа получила красивое название «Первый дом на Родине». Семьям платили пособие, которое полностью уходило киббуцу в счет оплаты за жилье и питание. Так же в эту программу входило обязательное обучение ивриту на бесплатных курсах, которые называются «ульпан».

Сионисты и утописты

Кибуц, куда направили мою семью, был «молодым» – прошло всего полгода, как группа романтиков-утопистов решила повторить подвиг второй Алии. У каждого утописта была своя сокровенная причина бросить насиженные места и ринуться в новую жизнь.

Инициатором и лидером этой группы был Гарри. В кибуцном движении он был не новичком – всю свою сознательную жизнь Гарри занимался логистикой соседнего кибуца (то есть был завхозом). Далекие от понятий уважения и доверия, члены этого кибуца вдруг обвинили его в воровстве. Разгневанный Гарри решил срочно, не дожидаясь дальнейших расследований, организовать свой кибуц, новый, чистый, лишенный предрассудков. И очень быстро нашел единомышленников.

Первой на призыв откликнулась семья: Арье, Анат и их маленькая дочка. Арье и Анат познакомились на конференции, организованной электрической компанией «Хеврат Хашмаль». Электричество любви пронзило их мгновенно. Проблема заключалась только в том, что встретились они уже в солидном возрасте, у каждого из них были собственные семьи и, что еще больше осложняло ситуацию, семьи многодетные. Любовникам долго удавалось сохранять от посторонних свою тайну. Но в их жизнь вмешалась неожидан-

ная беременность Анат. Их с позором выгнали из семей, заставив выплачивать большие алименты. Путь для них был только один – в кибуц к Гарри.

Так Арье и Анат превратились в новых утопистов.

Бени, здоровенный молодой парень, страстно увлеченный йогой, искал в кибуцной жизни тишины. Он мог часами медитировать, и даже дикий окрик Гарри, призывающий к работе и дисциплине, не мог его вернуть к реальности.

У Дорит и Сарит судьбы были схожие. Обе разведенные, каждая с двумя детьми, обе стремились доказать, что способны сами создать счастливую жизнь для себя и для своих детей.

Чуть позже приехала Аяла, тоже разведенная, но с одним ребенком. Она никому ничего не хотела доказать, просто в городе ей было скучно.

Все три женщины поселились пососедству, и добрые «русские» стали называть это место – рошей груш. На иврите разведенная женщина – грушА.

Еще была молодежь, которая скрывалась в кибуце от строгого родительского глаза.

И только Амирам пришел в кибуц в надежде найти смысл жизни.

Вот и все новые романтики-утописты.

Новые сионисты были им под стать. Верунчик приехала в Израиль со вторым мужем – евреем Женей. Первый муж –

араб, увез ее в Тунис, откуда был родом. В Африке Верочке не понравилось, и она вернулась к родителям в Питер. Но и в Питере в начале девяностых было совсем не весело, и Вера решила попытать счастья в Израиле.

Лена с мужем Сашей и двумя маленькими дочками прибыли с Камчатки, где их страшно испугали землетрясением. Саша первый приехал посмотреть кибуц. Верочка показала ему двухкомнатный домик, где их поселят, завод «Блокаль», куда Сашу могут устроить подсобным рабочим (две смены по двенадцать часов), птицефабрику, где возможно посчастливиться работать Лене, столовую, прачечную. Саша сразу же подписал все необходимые бумаги и сказал, что завтра приедет сюда со всей семьей.

– Вам здесь понравилось? – вежливо спросила Верочка.

– Что может здесь понравиться?! – Возмутился Саша. – Ситуация у нас в семье такая: сняли на пятнадцать человек родни квартиру в Тель Авиве. Родня на экономии свихнулась. Бабушка прячет свою мыльницу под подушку, тетя считает, сколько раз в туалете спустили воду. А у телефона, вообще, секундомер поставили. Одна тетка уже сбежала в свой Чернигов. Пишет нам оттуда: «Весь день лежу в ванной и болтаю по телефону, а вы удавитесь в своем Израиле с вашей экономией!». А нам уезжать некуда, квартиру отдали государству. Вот жена и говорит мне: «Три дня я постараюсь выдержать в этом аду, а на четвертый день повешусь! Так и знай». А мне что делать? Денег, чтобы снять другую кварти-

ру, нет, а два дня уже прошло.

Была еще залетная семья из Киева: Галя и Яша с двумя детьми. Залетная, потому что пробыла она в кибуце всего неделю, но здесь их вспоминали долго. Попали они в Израиль из-за жадности. Жили в Киеве хорошо. Яша работал в гараже механиком, Галя в прачечной при гостинице «Интурист». Как-то зашел в прачечную турист из Израиля. Русскоговорящий! Тогда это в диковинку было. Ну и стала ему Галя по традиции народной жаловаться на свою тяжкую жизнь. А он, наивный, поверил и прислал ей вызов из Израиля. Вызов этот был Гале нужен, как рыбе зонтик. Но не пропадать же добру!

Оказавшись в кибуце, семья стала жить под девизом: «Все вокруг кибуцное, все вокруг мое». В первый же вечер, когда кибуцники ужинали в столовой, (а двери в кибуце никто не запирали), семья прошла рейдом по квартирам, экспроприруя понравившиеся им подушки, одеяла, чашки и прочую домашнюю утварь. В ульпан они ездили с полными сумками. Нет, не учебников (ивритом голову себе не забивали, разговаривая с кибуцниками, в основном, по-русски и, в крайнем случае, на украинском). Их сумки были набиты рулонами туалетной бумаги, которая выдавалась в нашем кибуце бесплатно и без ограничений. В ульпане предприимчивые новые сионисты организовали бартер с учащимися из других кибуцев, где бесплатно выдавали фрукты, молоко, шампунь.

Ошарашенные кибуцники хотели поговорить с семьей, но

Лена и Верочка наотрез отказались переводить. Они, якобы, слышали, как Яша успокаивал расшалившихся детей: «Не злите мать, а то она сойдет с петель. Видите эти горы, – он указал в сторону Голанских высот, – так она и их сотрет». И дети вмиг успокоились.

Было решено перевести киевлян в знаменитый кибуц Дгания, один из первых в Израиле. Там здоровая атмосфера и сильные духом внуки первопроходцев должны были перевоспитать семью: вытравить в их душах гниль галута⁴ и взрастить здоровые побегии сионизма. Не выдержав духовного перевоплощения, семья через полгода вернулась в Киев, а после первой украинской Оранжевой революции опять прибыла в Израиль; после скандала в Битуах Леуми (Институт Национального страхования) вернулась в Киев; после второй Оранжевой революции вновь приехала в Израиль; потом опять в Киев, потом опять в Израиль. Говорят, что и сейчас можно встретить этих вечных странников на борту самолетов, совершающих полёты рейсом Киев – Тель Авив.

⁴ Галут – вынужденное пребывание еврейского народа вне его родной страны Эрец-Исраэль.

Трудовая жизнь кибуца

Итак, кибуц был сформирован, пора было приступать к действию. Вначале мужчины решили по примеру первопроходцев осушать болота вокруг кибуца. Но то ли первопроходцы, не подумав о последователях, осушили все болота, то ли в силу законов природы земля на склонах гор не заболачивается. Но, так или иначе, ежедневные вылазки Гарри, Арье и Бени в горы заканчивались полным разочарованием. В окрестностях кибуца не нашли они ни малярийных болот, ни даже простой маленькой лужицы. Только сухие безжизненные склоны гор.

Тогда с инициативой выступили женщины: «Мы озеленим эту мертвую землю, мы будем есть овощи и фрукты, выращенные своими руками, а не купленные в супермаркете!» – заявили Дорит и Сарит. Рано утром две отважные женщины и примкнувшая к ним Лена вышли в горы. Вначале они пытались вскопать окаменевшую почву, потом выкапывали маленькие ямки и сыпали туда семена, но через час со словами «ие беседер гам каха» (и так будет все в порядке) просто выкладывали семена на раскаленную землю. Лена пыталась поделиться с подругами опытом выращивания ранних помидор в своей теплице на Камчатке и очень выгодной продажей их на рынке. Но подруги отвергли ее мелкобуржуазный опыт, заявив, что святая земля и так заплодоносит. Земля

плодоносить не стала, зато кибуцный комитет, видя отчаянные попытки женщин приобщиться к сельскохозяйственным работам, выделил кибуцу солидную ссуду. Гарри был очень доволен. На эти деньги кибуц арендовал небольшую ухоженную плантацию личи и оборудовал птицефабрику в заброшенном сарае.

– Личи – очень дорогой фрукт, идущий в основном на экспорт. Можно сказать – стратегическое сырье Израиля! – разглагольствовал Гарри по дороге на плантацию.

В первый день на сбор урожая вышли всем кибуцем. Впереди шагал Гарри, за ним тянулась цепочка воодушевленных работников. Замыкал шествие небольшой грузовичок, наполненный бутылками с минеральной водой, термосами с кофе и чаем, пакетами с чипсами и печеньем для перекуса, раскладными стульчиками, дорожной аптечкой и мешками для собранных ягод. На этом же грузовичке планировалось везти богатый урожай в кибуц. Вначале позавтракали в прохладной тени деревьев, потом приступили к сбору урожая. Правда, не все. Бени, как ушел в нирвану в самом начале завтрака, так из неё и не вернулся до самого отъезда. Остальные не спеша срывали с веток ягоды, оценивая разглядывали их, самые красивые тут же чистили и отправляли в рот, похуже бросали в мешок. Собирали только те ягоды, которые росли на уровне рук. Наклоняться к нижним веткам или тянуться к верхним никто не хотел. Работали легко, весело, и только Лена сбивала всех с рабочего ритма. Она металась

по плантации с требованием привезти лестницу и собирать ягоды с верхушек деревьев. Гарри, чтобы успокоить непривыкшую к ритму кибуцной жизни женщину, а также, чтобы в очередной раз не слушать ее рассказы про удачную торговлю ранними помидорами из своей теплицы, авторитетно пообещал, что лестница будет во второй день сбора урожая. И тогда все сконцентрируют свое внимание непосредственно на верхних ветках.

Но второй день сбора урожая не наступил ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю. Все это время Гарри был занят более срочными делами: выбиванием льготных условий и удобных платежей ссуды. За это время большая стая перелетных птиц сконцентрировала свое внимание на верхних ветках личи, и необходимость выезжать на плантацию отпала сама собой.

Для того, чтобы расшевелить Бени и привить парню вкус к общественно-полезному труду, Гарри поручил ему следить за наличием корма и воды на птицефабрике, оборудованной в заброшенном сарае. Бени не хотел лишний раз тревожить кур проверками и быстро смастерил сирену, жутко завывающую на всю округу, когда в курятнике заканчивался корм или вода. Бени по жизни никуда никогда не спешил, тем более, в курятник. Поэтому сирена выла часами, вызывая страх и мигрень у жителей соседних деревень. Зато цыплята росли стройными, выносливыми, спортивными. Еще немного и Бени начал бы приобщать их к йоге. Но настал страшный

день, вернее ночь, когда кибуцникам пришлось заталкивать сонных молодых кур в клетки, чтобы увезли их туда, откуда попадут они в разноцветных целлофановых пакетах на красивые прилавки супермаркетов.

Никто никогда не рассказывал подробности этой ночи, но после нее Гарри стал вегетарианцем и начал учиться у Бени медитации и уходить в нирвану. То ли душевная травма, полученная в курятнике, была очень глубокой, то ли Бени был хорошим наставником, но Гарри со временем все больше и больше погружался в йогу. Он перевел кибуцную столовую на меню из отрубей и злаков, заставлял всех соблюдать разгрузочные дни, а на остатки денег от полученной ссуды выписал из Хайфы настоящего учителя йоги для общих кибуцных занятий.

И тут новые сионисты взбунтовались. Не для того они покинули Родину, чтобы питаться отрубями и закручивать тело в позу лотоса! Решено было сделать для русских семей, скандальных, истеричных и явно подпорченных жизнью в галуте, исключение: кибуц будет закупать для них привычные продукты и выдавать их сухим пайком в определенный день недели в определенные час. А готовить нездоровую пищу они должны у себя в домиках на электроплитках.

Мальчишник

Как-то к Саше и Жене обратился паренек из молодежи, скрывающейся в кибуце от надзора родителей. «Пацану» было лет под тридцать. Он уже успел отслужить в армии, несколько лет путешествовал по Таиланду и Индии, два раза бросал учебу в университете, сменил пять мест работы, но все еще находился в юношеском поиске своего места в жизни.

– Водка. Хочу водка. Хочу много водка! – коверкая слова, сказал он по-русски.

– Заходи к нам, устроим мальчишник! – Тут же откликнулся Женя.

Саша переполошился. Из их спиртных запасов осталась только одна початая бутылка. Хватит ли? Ведь пацан хочет много водки. Он даже предложил Жене смотаться в город.

Женя посмотрел на парня опытным глазом и тут же определил его норму.

– Ты ему из пипетки накапай десять капель в стакан, вот и будет много водки!

Жены, на удивление, радостно встретили идею провести мальчишник и распить бутылку на троих.

– Давно пора заводить контакты с местным населением! – Сказала Вера.

– А то живем как-то обособленно. Прямо, как будто в рус-

ском гетто. Вы пригласите этого пацана, а мы с Леной пригласим Аялу и устроим девичник.

Вечером мужчины накрыли стол в домике Лены и Саши. В центр стола поставили бутылку водки из морозилки и три стакана. Открыли банку соленых огурцов, выделенных Леной из семейного пайка. Все было вроде бы привычно, но в то же время очень волнительно. Первый неформальный контакт с аборигенами! Для храбрости, не дожидаясь гостя, налили себе грамм по сто водки.

– Ну, за легкую абсорбцию! – чокнулись, запрокинули стаканы....

В этот момент в дверях появился парень.

– О, Русья, хорошо сидим! – одобрительно воскликнул он, оценив обстановку.

Женя тут же разлил всем троим по стаканам. Парень с ужасом посмотрел на количество огненного напитка.

– Водка, много водки! Пей, не бойся, – Женя по-отечески похлопал гостя по плечу. – Давай, со свиданьем!

Парень уважительно посмотрел, как лихо мужчины осушили свои стаканы и тоже немного отпил.

– Теперь сигарету, покурить бы. – Сказал он на иврите, жестами объясняя свое желание новым русским друзьям.

– Закурить, это мы мигом! – Саша вдруг вспомнил о пачке сигарет «Прима» с картинкой города Саратова. Эти сигареты вместе с другими сувенирами с Родины передали им родственники Лены. Они приехали прощаться из Саратова

в Москву, откуда семья Саши навсегда улетала в Израиль. Не знали они тогда, увидятся ли еще раз, будут ли получать письма и что дарят на память в таких случаях. Да и выбор сувениров в Саратове в то время был не особенно разнообразным. Вот и привезли они среди прочих мелочей пачку сигарет с изображением родного города. Все это время она лежала в коробке с другими дорогими сердцу вещами и ждала своего часа, и вот он настал...

Саша встал на стул, вытащил вещи с самой верхней полки шкафа, бережно передал их Жене. Потом, привстав на цыпочки, с трудом выволок из самого дальнего угла заветную коробку с памятными подарками. Долго рылся в ней, пока не нашел на дне коробки пачку сигарет.

– Смотри, Саратов, Русья, это родина моей жены! – Саша бережно открыл пачку, протянул сигарету обалдевшему от этих поисков гостю и поднес зажигалку.

Парень осторожно затаился и сразу же резко бросил сигарету:

– Наркотик? Марихуана? Нет! Я и наркотик – нет!

И быстро зашпешил к двери.

– Подожди, подожди, чудак, – закричал Саша по-русски. – Это сигареты местной саратовской фабрики. У них вкус такой!

Парень поднес к губам палец, типа «молчок, я не скажу никому, не бойся» и быстро убежал из гостеприимного русского дома.

С этого момента всегда, встречая Сашу или Женю, он подносил палец к губам, тем самым показывая, что никогда не выдаст и никому не скажет об их пристрастии к наркотикам.

Девичник

В связи с предстоящим девичником женщин охватила паника: как и чем будем угощать?

– Мне подруга в ульпане советовала, – сказала Вера, – ставить на стол только одноразовую посуду. Ведь мы с тобой кашрут не соблюдаем. Аяла не будет есть из наших тарелок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.